

Анатолий Лунин

ПРЕДГРОЗЬЕ

Стихи и поэмы

Калининград
2012

ББК84(2Р=Рус)6

Л 84

Лунин Анатолий Алексеевич

Предгрозье. Стихи и поэмы. – Калининград,
2012, 158 стр.

Отчётливо выраженная гражданская позиция, боль от социального неблагополучия общества, тревога за судьбы России и её народа – вот главные мотивы новой поэтической книги известного калининградского поэта. Две поэмы – две эпохи, две человеческих драмы и трагическая общность судьбы.

ISBN 978-5-904895-12-9

© А.А.Лунин, Стихи и поэмы

МОЯ СУДЬБА – РОССИЯ

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда?..

Фёдор Тютчев.

Что происходит с великой страной?
Стала она в своих помыслах слабой.
Снова обходят её стороной
Бывший восторг,
И удача,
И слава.

Андрей Дементьев.

Кто положил на небо
Багрово-чёрный грунт?
Всё гуще тучи гнева,
Накрапывает бунт.

ДОЖДИ

Не родня друг другу вроде бы,
А спелёнуты вдвойне:
Сколько лет я в этом городе.
Столько лет и он во мне.

Что сгорело, что обуглилось,
Что оплавилось в огне.
Каждым домом,
Каждой улицей
Город помнит о войне.

Помнит он,
И помнит намертво
То смоленское село,
Что сюда в апреле памятном
За возмездием пришло.

То не розовыми пятнами
Наземь канула заря, —
Кровь, пролитую солдатами,
Не смогла впитать земля.

То не дождь весной и осенью
Над могилами внахлѣст, –
Из-под ранней вдовьей проседи
Не убудет жгучих слѣз.

Те, что здесь лежат под плитами,
До победы не дошли.
...Над солдатами убитыми
Всѣ дожди,
Дожди,
Дожди.

* * *

А я б руины цитадели
Сберёг,
 чтоб каждый видеть мог,
Какой она была на деле,
Цена походов на Восток.

ИМЕНА

Иваново...

Романово...

Петрово...

Не прусские, а русские до гроба!

Здесь всё:

 сады, просёлки, зеленыя, –

С победных дат родное для меня.

А чужаки всё с той же гнусной песней,

Коварная, безудержная рать:

Пора бы, дескать, городам и весям

Немецкие названья возвращать.

Мол, требует настойчивое время

Заняться пограничною межой.

Здесь прусский дух, германские коренья.

Он, этот край, для нас совсем чужой!

Иваново, Романово, Петрово –

Да что же в них не нашего, чужого?

За эти дорогие имена

Заплачена великая цена.

На тыщи вёрст
От Буга и до Волги
Могилы, обелиски – скорбный счёт.
Поныне носит ржавые осколки
У сердца незлобивый мой народ.

Тех лет сгоревших чёрная пороша
Стучится и стучится в память нам.
А потому
 кто вновь придёт, непрошен,
Пусть привыкает к русским именам.

ДОКОЛЕ?..

Народ безмолвствует.
Александр Пушкин.

Русь подменили? Выдали другую?
И вправду русский сделался рабом?
Доколе нам стучаться в стенку лбом,
Верховную,
Бетонную,
Глухую?

Нам недосуг,
В пылище и мазуте
Склонившимся над плугом и станком,
Задуматься о мерзости и жути,
На нас обосновавшихся верхом.

И к вечеру «укушавшимся» в стельку,
С похмелья непотребным поутру,
Не вспомнить нам про Стеньку и Емельку,
Про тех, кто звал Россию к топору.

Зимой и летом мы всегда в запарке,
Неделя за неделей, день за днём, –

Рабочие лошадки олигархов,
Плюёмся, материмся,
А везём.

Плетёмся, надрываясь, словно клячи,
С оглядкой на крутой хозяйский кнут.
А дату новых выборов назначат –
Опять проголосуем за хомут.

Искомая,
Знакомая,
Простая,
Горька ты, правда, словно рабский пот:
Не перестанет бедствовать народ,
Пока безмолвствовать не перестанет.

КРЕДО

Закончусь там, где начинался.
На чём стоял, на том стою.
Не выходил, не возвращался,
И состоял, и состою.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

Сменяются поэты,

а стихи

Звучат, как много раз уже звучали.
Мы тем стихам, спокойны и тихи,
Внимаем без восторга и печали.

Ведь нам нужна совсем не тишина,
Нам хочется бунтарского, лихого.
И миг настал –
И вздыбилась волна
Взрывного поэтического слова.

Поэт сказал:

– Ничьей и никогда

Не быть России жалкою рабою.
Мы станем на колени, господа,
Но чтобы помолиться перед боем.

Очнулся задремавший было зал,
Послушный воле духа, а не слуха.
Поэт сказал...

Он это так сказал,
Как ворогу отвесил оплеуху.

Наверно, не смогу, не передам,
Как все мы перестали быть толпою,
Когда прошелестело по рядам,
Как эхо:
– Перед боем... боем... боем.

Мы разом встали –
Сомкнутая рать.
И сознавали: не в молитве сила,
Она в суровом мужестве вставать,
Когда того потребует Россия.

СЕРП и МОЛОТ

Рабочий молот – мощь державы,
И серп крестьянский – жито жать, –
Рука народная держала,
И не разучится держать.

Познавший труд, войну и голод,
Клянусь тебе, святая Русь:
Крестьянский серп, рабочий молот
Вовек держать не разучусь.

* * *

Сегодня в России лишние,
Наверно, каждый второй.
Власти воюют с нищими,
А надо бы с нищетой.

КАНУН

Мне снилось,
Что лечу всё выше, выше,
И видится сквозь утренний туман,
Как из Кремля неторопливо вышел
Кому великий вождь, кому тиран.
Он как солдат в своей шинели серой,
Не так чтобы осанист, невысок.
По-прежнему спокоен и уверен,
Совсем не страшен, хоть и очень строг.
И сразу вдруг притихла, приумолкла
По-бабьи говорливая Москва,
Когда негромко он промолвил только
Обидные, укорные слова:

– Ты помнишь,
За тебя, народ великий,
Я здесь заздравный тост произносил?
Пошто сегодня хлипкий ты и никлый,
Пошто кругом калеки да калики –
Ни мужества, ни мудрости, ни сил?
Конечно, не по глупости и лени,
А по своей наивности святой

Ты дал себя поставить на колени
И расколоть державу на поленья,
Как на растоп сосновый сухостой.

Корил народ, корил Россию Сталин,
И боль в его словах слышна была:
– Выходит, мы по воле вражьей стаи
Историю, великие дела,
Самих себя
Нещадно испластали
С потягом – от плеча и до седла.
Забыли всё:
Обычаи, устои,
Своих героев и своих вождей.
Поём чужое,
Пляшем под чужое,
Иваны без корней и без идей.
Кремлёвских коридоров достигают
Под западные злые сквозняки
Крикливые тупицы-попугаи,
Безвольные мальчишки-слизняки.

Да, сколько их, суливших людям счастье
И блага полноводною рекой!
И рушили державу в одночасье
Чужим умом и собственной рукой.
В Москве когорта целая осела

Нахальных, ненасытных чужаков,
Жирующих без меры и предела
За счёт безгласных русских мужиков.

И слышу, говорит товарищ Сталин
И с гневом, и с обидою опять:
– Россию оскостили, обобрали,
Смогли и оболгать, и оплевать.
Я спрашиваю:
Русским не пора ли
Самим своей державой управлять?
Страна устала от такой мороки,
А ты молчишь, растерянный народ.
У власти не вожди, а скоморохи,
Не в летописи их, а в анекдот.
Вы думаете, к стенке их поставлю,
Коль мне вернуться удалось теперь?
Вам в наказанье
Править их оставлю.
Терпите, если нравится терпеть!

Проснулся я.
А тишь стоит такая,
Как будто сном вся Русь поражена.
А может, тишина предгрозовая?
Предвестьем урагана тишина?

УХОДЯ

Как видно, время подводить итог.
Анкета откровенная, простая:
Что должен был, всё сделал так, как мог?
Какие баллы сам себе поставишь?

Признайся честно:
Ведь нередко ты
Не делал очевидного, а мог бы.
Твои мечты, как хилые цветы,
Не распускаясь, сохли или мокли.

В предутренней, почти бессонной мгле
И так и сяк прикидываю что-то.
Но сознаю,
Как ни прискорбно мне:
У жизни нет обратного отсчёта.

РУБИКОН

Жизнь – как река.
Стою уныло
На незнакомом берегу.
Всё бросить не хватает силы,
И жить как прежде не могу.

И возвратиться – не годится,
И прыгнуть – оторопь берёт:
А вдруг студёная водица?
А может, где-то близко брод?

А может, мост?
Иль помаленьку
К парому тянутся волны?
Хоть кто-нибудь под зад коленкой:
– Смелее прыгай и плыви!

Шалит растерянно сердечко,
А в голове тревожный звон:
Вдруг эта маленькая речка
И есть мой личный Рубикон!

* * *

Пусть с тобой ни ножа, ни ружья,
Пусть вокруг кошмары и ужасы,
Пусть покинут тебя друзья, –
Но не покинет мужество.

СТАРИК

Которую ночь, не смыкая глаз,
Всё ждёт:
Вот-вот постучится.
Беда – не то, что приходит враз,
А то, чему дали случиться.

Горюй не горюй, а слышит семья:
– Вот и уходит сила.
Её мне в долг давала земля,
Теперь вернуть попросила.

Пришла пора – помирай ложись.
Много успел, а всё мало.
Нет, не он исчерпал свою жизнь,
Она его исчерпала.

БАЛЛАДА О ПЯТИГОРСКОМ КАМНЕ

Не заслонили, не оборонили...
С небес потоки, а из глаз капель...
Там, в Пятигорске, и похоронили
Под скромным камнем с надписью *Мишель*.

Арсеньевскому скорбному стремлению
Не враз осуществиться суждено.
В Тарханы – лишь с царёва позволения.
Вот, наконец, получено оно.

Зачем, Елизавета Алексевна,
Надрывный стон, заламыванье рук?
Ведь к вам сюда, в наследную деревню,
Вернулся он, неугомонный внук.

На нём, что правда, странные обновы.
Где эполеты, выправка и статья?
Мундир не тот, привычный, а свинцовый.
И бабушку не кинулся обнять.

Оплаканный друзьями и родными,
Охаянный озлобленным царём,

Он в вечности останется отныне
Ещё не распустившимся цветком.

Исчезла пятигорская могила.
А что надгробный камень именной?
Его артель умельцев уложила
Под строящейся храмовой стеной.

Но, видимо, надгробью неуютно –
И теснота гнетущая, и тьма.
Не камень беспокоится, а будто
Тут мается поэзия сама.

И зашатало храмину святую,
Хоть кладка и надёжна, и строга.
Похоже, что поэзия бунтует
И ищет бури каждая строка.

Арсеньевой всё грезится доселе
И в сердце отзывается стократ:
Не в гроб свинцовый спрятали *Мишеля*,
А в каторжный сибирский каземат.

А вскоре, неожиданно и ново,
Привиделось, как в ярую метель
Сибирские свинцовые оковы
Разбил тот камень с надписью *Мишель*.

Далёких лет прокручивая ленту,
Выводит обоснованно рука:
Седой гранит, и тот подвержен тлену,
Поэзия нетленна на века.

* * *

Чем выше храм, тем ближе к Богу, –
В речах елей – весь мир залей!
Да, ближе к Вышнему порогу
И, значит, дальше от людей.

К ЗВЁЗДАМ

1.

Опять Советы в шок ввели
Всю прессу-говорушку:
Махнули на тот бок Земли
Через её макушку.

И солнце взяли под уздцы,
И полюс подковали.
И усмехается в усы
В Кремле товарищ Сталин.

Ничто России не устав.
Что ни свершит – всё мало.
И вновь у мира на устах
Лихое имя
Чкалов.

Вопит Америка:
– Каков!
А мы в ответ:
– Их трое:
С ним Байдуков и Беляков –
Такие же герои.

А сколько следом полетят
Над полюсом и около!
У нас не лётчиков отряд,
А сталинские соколы!

Нам было жизнь с кого творить
В труде, на поле брани.
Рвались мы к звёздам путь торить
И над планетою парить
Отважными орлами.

Народ стремился ввысь и ввысь,
Свободен и отважен.
А у вождя стучала мысль
Мотором на форсаже.

Народной воли естество
Он разбудил и взвихрил.
И дым от трубки у него –
Как от мотора выхлоп.

И Чкалов, славе вперекор,
Всё повторяет твёрдо:
– Нет, мой рекорд – не мой рекорд,
А взлёт всего народа.

Я лишь прокладываю путь,
Летит сама Россия.
Вот вокруг «шарика» махнуть
Намедни я просился.

И без меня или со мной
Пройдёт полёт,

но ясно:

Обзаведётся шар земной
Российской опояской.

2.

Таким не сидится дома,
Им жить в тишине не резон.
Хотелось парню лихому
Умчаться за горизонт.

Тянуло его, непоседу,
Покинуть земную твердь.
А что на планете соседней?
Слетать бы да посмотреть.

И вот на всё поднебесье,
Антеннами шевеля:
– Поехали! – просто и веско
По-русски сказала Земля.

Просто?
Да это ж начало
Доселе неведомых вех!
«Поехали!» означало
Не одного, а всех.

Это про нашу удаль,
Про неуёмный народ.
Мы были,
 мы есть,
 мы будем!
– Поехали! – небо зовёт.

Это про звёздные будни,
Про нашу могучую статью.
Покуда Россия будет –
«Поехали!» будет звучать.

3.
Беда подкралась, как змея.
Всё в ужасе умолкло.
В снегу, как в саване, земля.
В слезах седая Волга.

Валерий, Юрий, как же так?
Да с вами ль стало это?
Как будто приспустили флаг
Все лётчики планеты.

Вам, небеса, какой резон
Вмиг потерять героев?
Зачем привычный горизонт
Стал траурной каймою?

Сам космос скорбью обуян,
Осиротели звёзды.
У поколений россиян
Не высыхают слёзы.

ТВОЯ ЦЕНА

Не дали в долг, не нагадали.
Жизнь – вечный труд и вечный бой.
Её и меряют не годами,
А тем, что сделано тобой.

И не прикладывай линейку,
И не прилаживай весы,
И календарь срывай смелей-ка,
И дневники твои пусты.

Коль ты от пса не спас старуху,
Больного не отвёл в галюнь,
Не подал тонущему руку, –
Твоя цена равна нулю.

* * *

Нас грабят,
Нас губят,
А мы, старина,
Молчим в безысходной печали.
Была у нас неплохая страна,
Да мы её
Промолчали.

ДЕДОВ УКОР

Неоспорима эта истина:
Война не кончилась ещё.
Не все рассказано, написано,
И никогда не будет всё.

А сколько скользкого и вязкого
Под видом правды в гуще строк!
И деда, павшего под Вязьмою,
Я слышу горестный упрёк.

– Сражались, не жалея крови мы.
Всё испытали: гнев, и страх.
Нас тысячи, не похороненных,
Лежат в болотах и снегах.

Я знал, за что стеною встали мы
В смертельном, праведном бою.
И вновь –
За Родину! За Сталина! –
Не пожалел бы жизнь свою.

Но чужаки твердят неистово,
Что не за то я отдал жизнь,
И называют нас фашистами,
Нас, обезглавивших фашизм.

Всё оплевали, всё охаяли.
Победа наша – им беда.
А про Освенцим ли, Дахау ли
Вы не забыли, господа?

Нет, не по праву нынче стали вы,
А по науськанью извне
Судить солдат –
Меня и Сталина,
Верх одержавших в той войне.

...Мой дед...

Чудно!

Ему и было-то
Не полных тридцать – жить да жить.
Но он умел, крестьянин жилистый,
Своей державой дорожить.

Воскресли нивы, пашни, пажити,
Умолкли пушки.
Но не смолк
Долг нашей совести и памяти,
Любви и ненависти долг.

ТВОИ КАЛЁНЫЕ СТИХИ

Ты умудрился выковать стихи, –
Сказал я Анатолию Галенке, –
Гранёные, как русские штыки,
Калёные, как пули трёхлинейки.

Наверно, после обжига в печи
Ложились в поэтическую кладку
Слова, что и прочны, и горячи.
А с виду очень тихая тетрадка.

Тетради той взрывной эквивалент
Исчислит ли тротилловый аналог?
В ней столько вёрст!
В ней столько бед и лет!
Судьба людей особого закала!

Ты воин,
но стихи не про войну.
Мы мирные, уживчивые люди.
Стихи про то, как мы свою страну
Браним, карим,
А потому что любим.

ВОЖДЯТА

Философы в давние годы
Учили дотошных людей,
Что крайняя бедность народа –
Прямая преступность вождей.

А разве сейчас по-другому
И вовсе не бедствует Русь?
И разве не тянет нас в омут
Лихого безвременья груз?

Держава невиданной силы...
Титан, что и смел, и умел...
И этот не пропил Россию,
И тот раздарить не успел.

Мир нашей элиты уютен,
Народной судьбе не в пример.
Пора этот узел распутать,
Иначе не жди перемен.

Не выпадет звёздная дата
Из перечня будничных дат,
Пока не вожди, а вождята
Державою русской рулят.

ЧЕЧЕНСКИЙ ШРАМ

*Валерию Горбаню,
автору пронзительной книги
о неправой чеченской войне*

Ты в нас швырнул не книгу, а гранату.
Наш быт привычный взорвала она.
Как будто наболевший выкрик:
– Нате! –
В той книге окаянная война.

Там дни и ночи пулями прошиты,
И боль, что не унять, не превозмочь.
Не телевизионные страшилки,
А правды обжигающая мощь.

Пройти такое, выдюжить такое,
Несломленным остаться до конца...
Мне трудно пожелать тебе покоя,
Покоя не бывает у бойца.

О павших память горечью объята,
Она не знает сна и тишины.

Чеченский шрам
на сердце у солдата,
Чеченский шрам
на сердце у страны.

ЕГО НАПОМИНАНИЕ

Опять над Русью молнии,
Идёт свинцовый дождь.
Безмолвный, ошельмованный,
Страдает мёртвый вождь.
Уверенно и искренне
Он день грядущий нёс,
И выстрадал, и выстроил
Державный наш утёс.
Казалось бы, немыслимо!
Но он,
И прям, и крут:
– Нужна работа быстрая,
Иначе нас сомнут.

И впрямь, кидались коршуном
На нас и вест, и ост.
Но им, гостям непрошеным,
Мы потрепали хвост.
В Неве, Амуре, Волге ли
Купали их не раз.
Но вновь на прочность враги
Хотят проверить нас.

В России вязко, муторно,
Порядка нет сейчас.
И, полон прежней мудрости,
Звучит его наказ:

– Мы добрые, мы строгие,
Любой умел и смел.
Но пусть никто не трогает
Святой Руси предел.
Ни силой, ни угрозами
Россию не возьмёшь!
Мы били зверя в логове, –
Не забывайте всё ж!
Хоть спит на вечном якоре
«Аврора» мирным сном,
Но прячут пушки ярые
Шестидюймовый гром.

Его слова палящие
Не помним, не храним.
А надо бы почаще нам
Прислушиваться к ним.

* * *

Рассыпался горошками драже
Нахальный смех отъявленного Тольши.
И слышится на новом рубеже,
Как и на старых слышалось уже:
«Побольше наглости!»
Куда уж больше!

САММИТ

В этом зале собран, слит
Цвет умнейших разом:
Преучёнейший синклит,
Воплощённый разум.

В нас внедрялись целый день
Завирушки эти
Хитрой тенью на плетень,
Паутиной сетью.

Что ни речь – словесный рой.
Чем, скажи, не саммит!
Как с незрелой детворой,
Эти дяди с нами.

О заветном – ни гу-гу,
Смелости – ни грана.
Слушать глупости могу,
Слушаться не стану!

ЖАЛОБА ОЛИГАРХА

Вновь левый сектор недоволен,
Опять бузит: мол, всё не так.
Народ российский обездолен,
Народ отравлен алкоголем –
Запас терпения иссяк.

Мол, у кормушки те же лица,
Доходы прут, как снежный ком,
Электорат уже косится.
И почему б не поделиться
Одним процентом с бедняком?

Не, коммуняки, – фигу с маком!
На наш законный каравай,
Что с евро-знаком, евро-смаком
И миллиардным евро-гаком,
Свой хавный рот не разевай!

Россия, если разобраться, –
Страна немереных свобод.
Из-за чего, ей-богу, драться?
Ведь от избытка демократства
Аж задыхается народ.

Всем хорошо в Единой рати!
Лишь об одном скорбит душа:
Кого ещё бы обобрать бы?
У русских, бывших старших братьев,
Не остаётся ни шиша.

У БОЯ – СБОИ

В мозгу компьютерные сбои,
Нарушен истин чёткиё строй:
Убивший одного – разбойник,
Убивший тысячу – герой.

Несущий бред с трибуны – умник,
Псих – если правду режет, смел;
Укравший рубль – правопреступник,
А миллионы – бизнесмен.

Нет, мы не мальчики, не бои!
Пора простой усвоить взгляд:
Не в той программе ищем сбои,
И не компьютер виноват.

ЧУЖАКИ

Взывают
 гнева праведного
 гроздья,
Напористы, настойчивы, сильны:
– Философы всемирного безродья,
Какой державы нынче вы сыны?

Кучкуетесь, отъявленные бесы,
И липнете повсюду, как репей.
Какая вами предана – известно,
Какой стране вы преданы теперь?

Политики, фигуры, индивиды,
Вы крутитесь на денежной оси,
Холёные коты чужого МИДа
Под вывеской доверчивой Руси.

И что ни речь – цинична и фальшива,
Пощёчина для русских мужиков.
Вы рыцари безудержной наживы,
Аристократы денежных мешков.

Нет для корысти никакой границы,
И родины не знают торгаши.
Рядиться патриотом не годится,
Когда на первом плане барыши.

Не удержать плетёному заслону
Реку, что захлестнула берега.
Что делать правоверному закону,
Где властвует нахальная деньга?

«КАЛИНОВЫЙ» ЗВОН

Ах, эта жёлтая «Калина» –
Куда хочу, туда качу!
А государственной машиной
Рулить, увы, не по плечу.

Ах, разудалые двойняшки!
Поочерёдно и вдвоём
 Рулите вы к трясине вязкой,
А говорите про подъём.

Путь и неведом, и опасен,
А поворот предельно крут.
Кто подсказал вам эту трассу?
Кто заказал такой маршрут?

«Калина» двигалась картинно.
Что в это шоу вас влекло?
Коль впереди ни зги не видно,
Взгляните в заднее стекло.

И беспросветье, и бессилье,
И дух стяжательства в стране.

Трудами вашими Россия
То в половодье, то в огне.

А впереди – обвал, пучина.
Как ни крути – туда пути.
Нет, господа, не получилось.
Имейте мужество уйти.

ЧТО ОСТАВЛЯЕТ ЧЕЛОВЕК

Ну, вот и всё!
Погасло солнце,
Остановило время бег.
А что на свете остаётся,
Когда уходит человек?

Неужто разум канет разом
В густую тьму и пустоту?
А мысль – она прервётся разве
В минуту горестную ту?

А совесть, жизненное кредо,
Твои дела – исчезнут, да?
Неужто всё уйдёт бесследно
Туда, неведомо куда?

В какое дикое юродство
Тебя несёт коварный рок!
Ведь что-то всё же остаётся.
Как снег, растаять ты не мог.

Да, может затеряться имя
В суровых дебрях бытия.
Но зримы и неповторимы
И жизнь твоя, и суть твоя.

ПОЁТ ЕЛЕНА БЕЛЯЕВА

Её концерт – как Божий день погожий.
Елена не поёт, она творит.
И чувствуешь, когда мороз по коже, –
Её душа с твоею говорит.

И знай: ты ничего не слышал, если
Не уловил молчанья в унисон,
Когда певица завершила песню,
А зал ещё молчит, заморожен.

Потом – восторг!
Он будет нашей данью
За мастерство, почти за волшебство.
Елена щедро дарит нам, как Данко,
Святые искры сердца своего.

ОСЕННИЙ МОТИВ

А я грозу и в сентябре
Люблю, как Божье воздаянье.
Милее стынуть в росной рани,
Чем в майском нежиться тепле.

А я цветенью предпочту
Багряно-огненные дали.
Весна сулит, а осень дарит
Созревшей силы красоту.

А я всю жизнь в душе несу –
С житейской логикой в согласьи –
Не дерзкой юности соблазны,
А зрелой женщины красу.

НАКАЗ

Несётся время всё быстрее,
Нет никакого сладу с ним.
Твой прадед что ни год старше,
А был разведчиком лихим.

Он, и умелый, и отважный,
Тебе желает одного –
Быть жизнью всей и лелом каждым
Всегда похожим на него.

РОК

Послушать нас – всему виною рок,
Как будто он мистическое что-то.
А рок – итог работы рук и ног,
Старания,
 умения,
 просчёта.

А рок – и добродетель, и порок,
Закрывающая душа иль нараспашку,
И сундуки, накопленные впрок,
И – нищему последнюю рубашку.

А рок – и непотребство, и уют,
Не в меру объеденье и говеньё,
И годы ожиданий,
И мгновенья,
Что эти ожидания убьют.

Убьют, коль ты противиться не смог,
Коль не хватило воли и полёта.
И, значит, это никакой не рок,
А добрая иль скверная работа.

ПРИМАДОННЕ

Ни голоса, ни вида, а бывало...
Мы слушаем сейчас, а слышим ту,
Что нам несла мечту и красоту,
Что пением волшебным чаровала.

Уж ты за откровение прости!
Талант, конечно, почестей достоин.
И всё же, надо осознать простое:
Как это важно – вовремя уйти.

ПОХОЖИЕ

Мы чем-то схожи внутренне и вне,
Со мной не согласишься ты не смеешь:
Есть у меня чего ты не имеешь,
Имеешь ты что недоступно мне.

Какой тебе состряпали обед?
Наверно, самый редкостный на свете.
Да, есть обед, но аппетита нет,
И ты совсем не прикоснулся к снеди.

А у меня отменный аппетит,
Пусты мои желудочные недра.
В них что-то недовольное урчит,
Поскольку не предвидится обеда.

С едой у нас, как видно, перебой,
Серьёзные застольные проблемы.
И ты, и я – обиженное племя.
Ну, разве не похожи мы с тобой!

КТО НА ТРОН?

Истина всегда на эшафоте,
зло – на троне.

*Дж. Лоуэлл,
американский поэт,
учёный, дипломат.*

Наверно, вам, философ, не везло,
Коль вы такие перлы выдаёте.
По-вашему, на троне только зло,
А истина всегда на эшафоте?

У истины нелёгкие пути,
Порой непроходимые болота.
И всё же ей случается пройти,
Когда на троне прозорливый кто-то.

Что без толку, философ, горевать!
Сейчас о том державная забота,
Чтоб злу на трон дорогу не давать, –
Глядь, истина избегнет эшафота.

ЗАКОН, ОБМАН И СТЫД

Молва принародно вещает
С недавних и давних времён:
Всё можно, что не запрещает
Всезнающий парень закон.

Закручено лихо, но спорно.
Здесь логики явный изъян.
По-шулерски суть передёрнул
Лихой самозванец обман.

Хоть поступь закона литая,
Бывает, что он промолчит.
Но рядом незримо витает
Особа по имени стыд.

ДАЛЬ ВЕКОВ

Ещё ни знания, ни памяти,
Боязнь богов, боязнь оков.
Но накалились лбы, как лампочки,
И осветили даль веков.

ГЕРОЯ ДЕЛАЕТ БОЙ

– Героями не рождаются,
Они не ходят толпой.
Победа за тем,
Кто сражается.
Героя делает бой.
Не в каждую драку суйся.
Авось, пригодишься ещё.
Ведь смелость –
Не безрассудство,
А дерзкий ум и расчёт.
Что хожено мной и мерено,
На долгую жизнь усвой:
Терпение и умение –
Вот что такое бой!..

...Калеченый,
Недолеченый,
Недвижимый,
Но живой,
Солдат, уходящий в вечное,
Принял последний бой.
И высказал,

Словно выстрелил,
Он правнуку свой наказ.
Казалось,
То, что он выстрадал,
Будет ему как раз.
Он думал:
Слова упали
Наследнику в сердце его.
А сам
Шевелил
Губами,
Не в силах сказать ничего.

* * *

Ты, может, стар, а может, молод –
Жизнь без разбору бьёт и бьёт.
Но знай: беда – тяжёлый молот,
Мнёт и куёт.

Не говори, что всё неладно,
Когла судьба ударит вдруг.
Тебе скуёт её кувалда
Меч или плуг.

ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ

Средь сувениров многоликих,
Семейных писем, старых книг
Одна из множества реликвий,
Неброская, ценней других.

На скромной родовой печатке
Дед кредо вырезал своё:
«Судьбу не ждать и не встречать бы,
А самому вершить ее».

Я припаркован к жизни плотно,
Судьбу не жду и не ищу,
А топором тешу, как плотник,
Как пахарь хлебушек, ращу.

Её по дедову завету
Какой хочу – такой творю.
Хожу-брожу по белу свету,
А коль неладно,
Говорю:

– Не трусь, когда невзгоды кучей
И на душе темным-темно.
Пусть злится ночь, теснятся тучи, –
А солнце будет всё равно.

МЁРТВЫЙ ЛЕВ

А мёртвого льва и шакалы кусают.
Над прахом его вороньё
Беснуется, кружит горластою стаей,
Выкаркивая враньё.

Им хочется напрочь!
Им нужно под корень!
Чтоб память исчезла о нём!
Лютуют, а лев, и могуч, и спокоен,
И мёртвый останется львом.

УСМЕШКИ ДРЕВНИХ

* * *

Король гулял в саду, и вот
От пса чуть не лишился зада.
Долг короля – смотреть вперёд,
Но и оглядываться надо.

* * *

– Жизнь – это вдох, – сказал мудрец, –
А выдох – смерти дольщик.
Дышать иль нет – один конец,
Но выдыхай подольше.

* * *

О счастье помолиться – нужен храм.
Чтоб выйти к храму, надо знать дорогу.
Искал, нашёл,
Но объяснили там:
– Работай сам и не проси у Бога.

* * *

Да, жизнь – короткая река,
Стремительная лава.

Но не настолько коротка,
Чтоб не успеть поплавать.

* * *

Молвил мудрец:
– Судьба – капкан,
Надёжный, один, без выбора.
Как ни старайся, но коль попал,
Живьём всё равно не выбраться.

* * *

– Дай на всю жизнь универсальный совет! –
К мудрому старцу пристали мы.
С улыбкой ответил учёный дед:
– Ешь мороженое, пока не растаяло.

* * *

– Придёт беда (избави Боже!),
Тяжёлый день (храни Творец!), –
Не падай духом, ушибёшься, –
Иронизирует мудрец.

* * *

– Дружить с такими я не стану:
Заносчив этот, мрачен тот.
– Кто ищет друга без изъяна,
Тот никакого не найдёт.

* * *

– Любовь, – давно открыл Сократ, –
Для человека сущий ад.
– Согласны, ни к чему дебаты!
Конечно, ад. Но ведь приятный.

ПЕРЕГУДЫ. ПЕРЕЗВОНЫ

Фольклорные мотивы

Петь бы ещё, да в брюхе тощо.

Русская помловица.

Я счастлив тем, что я оттуда,

Из той зимы, из той избы...

Александр Твардовский.

Удивительная штука!

С давних, дедовских времён

Мне навек запали в душу –

Хочешь пой, а хочешь слушай –

Русских песен и частушек

Перегуд и перезвон.

ОПОЗДАВШАЯ ТЕМА

Постучала тема-темочка, —
И не ждал, и не гадал, —
В бедолажье темя-темечко
Лишь сегодня,
Не тогда.

На истоке бы постукала
Грязных дел и грозных бед
По серебряному куполу
Седину копивших лет.

Ты о чём в ту пору думала?
Или нежилась во сне?
Если б ты на пламя дунула,
Не была бы Русь в огне.

Ну, откуда было б взяться им,
Ошалелым временам,
Если б струсившими зайцами
Не сиделось в норах нам!

Это что же с нами сделали?
Кто в рассудке повредил?
Кто неслыханными бедами
Русь, как ёлку, обрядил?

Боль скопили, не купили мы
И не думали о том,
Как в поильные, упильные
Превращали день за днём.

Если б мы тогда подумали,
Спохватились, поднялись, –
Тучи,
 кручи,
 бучи уймами
Не крушили б нашу жизнь.

А теперь мы чешем темечко:
– Как же так, ядрёна вошь!?
Но упущенное времечко
На обед не позовёшь.

* * *

Над тобой, моя Россия,
Неоглядны небеса.
Этой вечной доброй сини
Влей щедрей в мои глаза!

Для тебя, моя Россия,
В самый жаркий полдень твой
Буду я живой росинкой,
Малой каплей дождевой.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД
(1612 – 1812 – 2012)

«– Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»
Да, с высоты минувших дней
Былые смуты, споры, свары
Нам и понятней, и видней.

Наследной мудростью богаты,
Своей историей гордясь,
Хотим увидеть в этих датах
Живой преемственности связь.

А может быть, и впрямь не даром
На Русь падут то мор, то пал
И смуты неизбывной карой
Всевышний нам предначертал?

Нет, помним твёрже, чем молитвы:
Своей рукой вершил народ
Судьбу Руси на поле битвы
В нечётный век
И чётный год.

«— Скажи-ка, дядя...»
Но, пожалуй,
Не дяде молвить суждено,
Кто нынче Минин и Пожарский
И где оно, Бородино.

ПАЖИТИ

Коль меня б ненароком спросили
Об истоках мужицкой души,
Я б сказал:
– Я из сердца России,
Чернозёмной тамбовской глуши.

Я б ответил:
– На пажитях тучных,
На покосах за речкою Цной
Деревенские наши частушки
Побратались навеки со мной.

Моя милка боевая,
С мировым характером:
До того в меня вцепилась –
Не отцепишь трактором.

Пойдёшь, милый, на гуляночку –
Возьми отца и мать.
Тебе выберет комиссия,
С которою гулять.

Ты, залётка, пой не пой –
Я теперича не твой.
Галифе мои широкие
Понравились другой.

Задушевная подруга,
Не сходить ли в сельсовет:
Мне Ванюшка изменяет
По закону или нет?

Если б недруги вдруг упрекнули:
Мол, сермяжные вяжешь слова, –
Я бы вспомнил овины, проулки
Да наличников кружева.

Я припомнил бы деда Антона
И пословицы гущи такой,
Будто в поле ложится ядрёно
Борозда за неспешной сохой.

Велик каравай – о двух зёрен.
Бела береста, да дёготь чёрен.

Красна река берегами,
А сход – головами.

Береги дочь до венца,
А жену до конца.

Не поднять пролитого,
Не вернуть пропитого.

Коль эстеты меня б осмеяли,
Что корявые строчки пишу,
Я б ответил:
– От пашни не я ли?
Я пишу, как для хлеба пашу.

Когда солнце, когда моросинки,
И в своём, и в чужбинном краю
Говорю:
– Я из сердца России,
Я из самого сердца России,
Из мужицкого сердца России!
Я Россию у сердца храню.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Три мудреца на Масленой неделе
Найти хотели русскую идею.

Твердил политик:

– Самоуправление;

А идеолог:

– Самоуважение;

Экономист:

– Какого вам рожна!

Во всём самодостаточность нужна.

Единой силой и тройною тягой

Свою триаду выдали трудяги:

– самоуправление,

– самоуважение,

– самодостаточность.

ДОБРО и ЗЛО

Ой ты, доля-долюшка, –
То беда, то горюшко, –
Дай хоть раз в году
Добру череду!
Народные причитания.

И седина, и бес в ребро
Давно уже заезжены.
Зло не сдаётся,
Но добро –
Тугой каркас поэзии.

Чернорабочие добра
И санитары пошлости,
Стихи с утра и до утра –
Как ломовые лошади.

Не примирить добро и зло
Ни плёткою, ни пряником.
И не всегда добру везло
В его сраженьи праведном.

И чтоб поэзии жилось,
Добро победно длилось бы, —
Борьбе со злом добавим злость
Во имя справедливости.

ДЕВИЧЬИ СТРАДАНИЯ

Ты, гребёнка – часты зубья,
Не дери головушку.
Мой милёнок нынче убыл
В дальнюю сторонушку.

Много ласточек летает
В поднебесной вышине.
Во чужом краю страдает
Ненаглядный мой по мне.

Ворожить не ворожить –
Без милого не прожить.
Друга мила не любить –
Что без солнышка быть.

ХРОМЫЕ

Поныне слышу –
Через столько лет! –
Речение крутое и густое.
– Хромай отседа! – говорил мой дед
Не чтущему общинные устои.

Но вот пора ненастная пришла,
Лишились мы и веры, и опоры.
Нам уши запечатала лапша,
А на глазах
 похлеще конских
 шоры.

Хромает зло на костылях добра,
А мы его за благо почитаем.
Неужто «упоительны» с утра
Иль наркоту хлебаем вместо чая?

Гляди,
Ведут на костылях молвы
Наряженную истиной неправду,
Парадный строй формуют из толпы
И нам заплату выдают за плату.

Там, где державный висится утёс,
Скопилось столько всяческого сброда!
Ну, кто б авторитетно произнёс:
– Хромай отседа! –
Голосом народа!

ВАСЕНЬКА

Просил я соседа Васеньку
Открыть здоровья секрет.
– Воздержанность
и гимнастика, –
Сказал богатырь в ответ.

И разъяснил уверенно,
Что все недуги как раз –
Плата за неумеренность,
Налог природы на нас.

И значит,
зимы и лета –
Подарок природы нам;
Закаты её и рассветы –
И есть надёжный бальзам.

Здоровье –
танк, а не дровни,
Ума и мышц торжество.
И если мы пьём за здоровье,
То сами и губим его.

Богат и умом, и силою.
Такому износа нет.
А Васеньке...
Деду Василию –
Уже девяносто лет.

СВАТЫ ЕДУТ

Что за сани самокаты!
Не нарядны, не богаты,
Не украшены,
Не золочены,
Лоскутным шитьём
Оторочены.

Вместо полога,
Что медвежьего –
Пол-аршина холста
Свежего.

Видно, мне везут
Слово сватово
Не от богатого,
А тороватого.

МОГУЧАЯ СТОЙКОСТЬ ДУШИ

Давно наши кони не ржали
Победно у вражьих ворот.
Ужель в православной державе
Враги подменили народ?

Неужто у гордой России
В покойной и скорбной тиши
Бесследно утратила силу
Могучая стойкость души?

Неужто мечты и надежды
Навеки для нас сочтены
И мы не услышим, как прежде,
Могучую поступь страны?

Не верю!
В цветении вешнем
Придёт ожидаемый взлёт.
Над Родиной колокол вещей
Победную песню прольёт.

Вот-вот переменят погоду,
Как ранней весной ручьи,
Могучая воля народа,
Могучая сила Руси.

ПОЭТ и МАРШАЛ

Чтоб всеми и всегда была
И слышана, и слушана,
Русь гениально родила
Суворова и Пушкина.

Перо и штык в одном строю
Идут победным маршем,
Когда по дарованию
Равны поэт и маршал

Патроны воинству нужны,
Нужны поэтам буквы.
Всегда в запасе у страны
Твардовские и Жуковы.

ЧАСТУШКИ-ПРОСТУШКИ

С горки катятся салазки,
Едут целую версту.
Люблю милую за ласки,
А ещё за красоту.

Порассыпалась поленница,
Не колоты дрова.
Говорить милой не ленится
Душевные слова.

Ах, юбка моя,
Не утюженная!
Сколько лет живу –
не знаю,
Кому суженая.

По округе – круг за кругом –
Я искал себе подругу,
Трое санок изломал,
А тебя не миновал.

Я корову подоила,
Пёструю, рогатую.

Не сменять тебе, мой милый,
Меня на богатую.

А я топну ногой
Да притопну другой!
Оглянуться не успеешь –
Был твой, будет мой

ВИРУС ЗДОРОВЬЯ

Здоровье так же заразительно,
как и болезнь.

Ромен Роллан.

Вот говорят, что хворь заразна,
И та, и эта – сотня разных.
А мне чихать и кашлять лень.
А я чихаю на болезнь!

Профессора, не хмурьте брови!
Поспорю с вами о здоровье.
Считаю, что оно, как раз,
Инфекционной всех зараз.

Я убеждён: здоровья вирус
На смехе и улыбках вырос.
Себя улыбкой заряжай –
Друзей здоровьем заражай!

ПЕСНЯ

Жизнь – словно сложенная песня.
И не длина её важна.
Не зря пропета песня, если
Несла мелодию она.

На полевом артельном стане –
Ты слышишь? – женщины поют.
И уж истома, не усталость,
Отрада, а не тяжкий труд.

Чтоб в трудный час прибавить силы,
Чтоб не в упадок, а на взлёт, –
Найдётся песня у России.
Русь не умрёт, пока поёт.

БУДЬ ДОБР И БОДР!

И золото ничто, и серебро,
Здоровый дух нужнее и милее.
Бодр человек, когда творит добро,
Болеет, если зла не одолеет.

Добр человек – и бодрость будет с ним.
И нрав, и тело – одного покроя.
– Будь добр! – мы, обращаясь, говорим
Всегда как пожелание здоровья.

Ведь «добр» необходимей, чем «богат».
Здоровье не купить – вот мысль благая.
И коль тебе про «баксы» говорят, –
Подумай, не беду ль предполагают.

Отвергни олигархово тавро,
Почаще о душе своей кумекай!
Творить добро, а не копить добро –
Не в этом ли призванье человека?

ОХ, НАША ЖИЗНЬ!

А жизнь – на что она похожа?
Скорей всего, на теремок:
Один возвёл с подмогой Божьей,
Другой его присвоить смог.

Давай сравним её с театром –
То смех, то слёзы что ни акт.
Здесь каждый и актёр, и автор,
А зритель – форменный простак.

А может быть, сравнить с футболом?
Чужак нечаянно забьёт –
Толпа фанатов полуголых
Орёт, дерётся, с горя пьёт.

Вот первоклассное сравненье:
Жизнь – это университет!
Здесь всё – ученье и мученье,
Коль не профессор, то студент.

Одна особенность, другая,
Всегда чему-нибудь сродни.

Ну, скажем, ярмарка лихая:
Купи, продай иль обмани.

Я целый век ищу ответа,
Всё перепробовал, кажись,
Прикинул то, сподобил это...
А жизнь – она всего лишь жизнь.

* * *

Добро из колодца не черпают вёдрами,
И доброе слово – деяние доброе.
А зло извивается лютыми кобрами,
Обидное слово щемит между рёбрами.

ПЛАЧИ

1.

Поутру-то было, зорькой раннею,
На востоке-то занималось зарево.
Расставалась я с мил-другом Ванею,
Уходил он на службу государеву.

А и плакалось мне, сиротинушке,
И кручинилось да слёзным голосом.
Улетаешь, соловушка, гнездо покинувши.
Остаюсь забытым в поле колосом.

На кого покидаешь меня одинёшеньку?
Оставляешь судьбину – как чёрну ноченьку.
Знать, одной мне зимушку зимовать,
Беду бедовать, ой да век вековать.

2.

Снеги белыми полотнами
Покрывают зелена.
Скоро вы, сугробы плотные,
Заметёте и меня.

В чистом поле вьюга колкая —
Злая мачеха, не мать.
У кого узнаю: долго ли
Одинокой бедовать?

Днём горюю, ночью плачу я, —
Хоть выкручивай платок.
Где падёт слеза горячая —
Алый вырастет цветок.

3.
Уж как в сердце болит
 рана рваная.
А и стала моя жизнь
 чёрной ночьюю.
Скоро быть, не миновать
 расставанию
И холодною змеёй
 одинокеству.

Знать, судьба-злодейка
 горька у нас,
И ни жалости у неё,
 ни милости.
Шелкова трава
 поникла враз,
Закатилось солнышко,
 истомилось.

* * *

Вот говорят, что на миру
И смерть красна.
Ну что ж, умру.
Но как же миру без меня –
И без любви, и без огня?

КАБЫ МНЕ БЫ...

Ах, кабы мне однажды исцелить
Случилось безнадежного больного!
Иль кровь свою до капли перелить –
До капельки! – в кого-нибудь другого!

Ах, кабы мне пожары не пускать
В лесные благодатные кварталы!
Прогнать самонадеянную «знать»
Подальше от державного портала!

Ах, кабы мне семейное тепло
Вернуть осиротелому мальчишке
И сознавать, что от него ушло
Глухое одинокое затишье!

Ах, кабы мне из горькой глубины
Ребят с подлодки возвратить живыми!
Хоть в их беде и нет моей вины,
Я стал бы на колени перед ними.

Ах, кабы мне укоренить опять
Народов несгибаемое братство!

Не дать пилотам лайнеры ронять
И складам со снарядами взрываться!

Ах, кабы руку злую отвести
От сердца беззащитного кого-то!
Заставить незабудки зацвести
Там, где пока что властвует болото!

А может быть, попроще что-нибудь?
Утихомирить пьяного соседа
Или в гнездо соловушкам вернуть
Упавшего на землю непоседу!

Ну, пусть не всё, а что-нибудь одно.
Ну, пусть тихонько, а не громогласно.
Сегодня или завтра – всё равно!
Тогда бы жизнь я не считал напрасной.

ДИАЛОГ

Богатый молвил:

– Не печалься!

Бедняк:

– Живот прирос к спине.

Богач:

– Пойми, не в деньгах счастье.

Бедняк:

– Тогда отдай их мне!

ЧТО ОТКРЫВАЕМ?

На сердце народном шрамы.
Поборы державные душат.
Мы открываем храмы,
А надо бы души.

У нас, как грибы на полянке,
Растут казино да банки.
А где человеку защита
От вора и от бандита?

Нахапали – переделают.
Глаза у жулья – как бойницы.
На каждом шагу бордели,
А почему не больницы?

Мы молимся – кто пол-литре,
Кто взоры возводит к небу.
Себя отдаём молитве,
А надо бы гневу.

А надо понять простое:
Хищникам выбьют клыки
Руки не в крестном покое,
А сжатые в кулаки.

ЦИЦЕРОН, ПРИМИ ВДОГОН!

Злата-серебра ценнее,
Веско, как закон:
– Чем умнее, тем скромнее, –
Молвил Цицерон.

Быть виднее всех желая,
Дурь вперёд скорей.
Ум, чтоб видеть, отступает:
Издали видней.

В полный голос, дикой силой
Дурь рождает шум.
Молчаливо, неспесиво
Любит слушать ум.

Дополненье-измененье
Формуле вдогон:
– Чем скромнее, тем умнее, –
Примет Цицерон.

МУДРЕЦ СКАЗАЛ...

* * *

Оглянись назад – там бездна лет,
Глянь вперёд – и там предела нет.
Нынешние страсти человечества –
Лишь граница сущего и вечного.

* * *

– Как принимать судьбы удар
И неожиданные чары?
– Что оптимисту Божий дар,
То пессимисту Божья кара.

* * *

Всё пройдёт – делать нечего! –
Рок всегда на посту.
День оценивай к вечеру.
А жизнь – к концу.

* * *

Мысль – это резвая коняшка.
Ей всё равно – седло, упряжка.
Вот кто бы выбрать ей помог
Одну из тысячи дорог.

* * *

Понял мудрец, что в себе пронёс
Ангела смеха и ангела слёз.
Стало быть, жизни смысл и дух –
Вечные споры этих двух.

* * *

Мечты для юных – светлое пятно.
Жаль, не всегда им сбыться суждено.
А старость вспоминает иногда
О том, что не случилось никогда.

* * *

Парадоксально мир устроен:
За друга легче жизнь отдать,
Чем меж друзьями отыскать
Того, кто этой жертвы стоит.

* * *

Дружба – что может быть проще?
Вот её естество:
Прежде чем друг попросит,
Выполни просьбу его.

* * *

Наше знание – наше знамя,
Полноводная река.
Что не знаем – то узнаем,
Что узнаем – на века.

* * *

Ты рождён страдать и терпеть,
Шагать по тропе отмеренной.
Жизнь умирает, а что же смерть?
Она, сатана, бессмертна.

* * *

«На крыльях времени уносится печаль», –
Изрёк мыслитель мудро и уныло.
А кто бы подсказал, где отыскать ту даль,
Откуда ей вернуться не под силу.

* * *

Кручина, знай, – трусливая особа.
И если ей не противостоят,
Она способна довести до гроба,
Но в панике, когда дают под зад.

* * *

Горе приходит к тебе и ко мне –
Что причитать да плакать!
И не пытайся топить в вине,
Горе умеет плавать.

* * *

Довольством пере-переполнен,
Ты барже грузеной сродни.
Смотри, дружок, не потони:
В житейском море злые волны.

* * *

Коль тебе досталось счастье,
Подели его на части.
В одиночку что за счастье!
Счастьем нужно соучастье.

* * *

В отличие от купюр с орлом двуглавым
И прелестей заморских вилл и дач, —
Ни подвиги, ни доблести, ни славу
В наследство не оставить, не отдать.

* * *

Творцов у победы, как водится, тысячи.
За славою — череда.
У поражения автор не сыщется,
Оно анонимно всегда.

* * *

Воспоминаний череда —
Немая встреча ночью вешней
И с той, ушедшей навсегда,
И с не пришедшей.

* * *

Как встречный ветер и весло
И как налево и направо,
Не примирить добро и зло,
Не повенчать неправду с правдой.

ЭПИТАФИИ

* * *

Не надо, не надо, милая!
Печаль растает, как дым.
Не стой над моей могилою,
Запомни меня живым.

* * *

Друзья, оставьте ваши вздохи!
Я жил, работал и любил.
Сгорел в житейской суматохе.
Так ведь горел, а не чадил.

* * *

Сердце устало в пути –
Время настало уйти.
Если кого-то согрел,
Значит, не тлел, а горел.

* * *

Ты неистов был, как пламя.
Жить спешил: скорей, скорей!
Навсегда остался с нами
Сердцем, мыслями, делами.
Ты не умер, а сгорел.

ХОЛОДНАЯ МОЛНИЯ

Слово о дерзком гусаре

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...

Александр Пушкин.

Из вздохов, заключённых
под соломенными кровлями,
рождаются бури, низвергающие
дворцы.

Михаил Лунин.

У власти вечные напасти:
Как урезонить бунтаря?
На покаянье нет согласия —
Распятые и Христовы страсти
Сулит тебе судьба твоя.

ПРОЛОГ

Дровишки стреляют в камине, –
Прожорлива нынче зима, –
Сходить бы в запасец за ними,
Да слишком озлобилась тьма.

Средь ночи взыграли метели,
Сугробы до крыш норовят.
И думы туда полетели,
Где стражем седой каземат.

Кого сторожат в Акатуе?
Бойцов легендарной поры,
Орлиную стаю лихую.
Хоть стай и не любят орлы.

И есть там особенный узник,
Чья жизнь будоражит меня,
Как я по фамилии, – Лунин,
Но мне он совсем не родня.

Уже ни чинов, ни регалий,
Фортуна груба и слепа...

В камине дровишки стреляют.
Но это какая стрельба!

1.

Его друзей схватили сразу.
Стояли злые холода.
Он был последним взят под стражу.
Знал, что возьмут,
Не знал когда.

Судьбою с юности обласкан,
Смел и расчётлив на войне,
Он был со временем и властью
Накоротке и наравне.

А помнишь, как тогда в Париже?..
И вновь выстраивает он, –
То отдалённо, то всё ближе, –
Быстро...
Гризетки...
Сен-Симон...

Два года мерили дорогу
Сюда от отчего порога.
И, наконец, увидеть рад
Столицу Франции солдат.

Париж, откройся людям ратным:
Ты на Москву похож иль нет?
И вы живёте не богато,
А нам до вас ещё сто лет.

И мыслят юные дворяне
(Что ни гусар, то знатный род):
– Когда не мы,
 то кто же станет
Твоим заступником, народ?

Жизнь ни во что не ставят, черти!
Но есть незыблемый девиз::
Сперва хоть что-то для бессмертья –
Потом,
 коль хочешь,
 застрелись.

Высок, и ловок, и проказлив,
Философ, ярый дуэлянт,
Он поступает без боязни,
Как честь и долг ему велят.

И незнакомцу, и соседу
Он мог сказать без лишних слов:
– Прошу покорнейше к обеду,
А нет – стреляться, шесть шагов.

Дуэли – игры, а не драмы.
На кон швыряя жизнь свою,
Он,
 как награды,
 носит шрамы.
Но ни единого в бою.

Когда опасность где-то близко,
Он весь – азарт,
 и потому
Готов идти навстречу риску,
Безгрозые гибельно ему.

Казалось, пушки солнце крошат,
Темно, как ночью белым днём.
Под ним опять убило лошадь,
Но ни царапины на нём.

Неукротимый, смелый воин,
Всегда одну лелеял страсть:
Всё подчинить железной воле
И упиваться битвой всласть.

– Тоска без рукопашной свалки.
А не сходить ли нам к гадалке?
Мишеля поддержать готов
Приятель ротмистр Чернышёв.

– На вас, – решайте, верить, нет ли, –
И орден вижу я, и петлю, –
Такой прогноз гусару дан
Мадам –

сочинять! –

Ленорман.

Ещё та пифия гудела
Про верность выбранному делу.
Умолкнет – и начнёт опять
Про верность что-то бормотать.

Что ж, орден – славная награда,
Которой рад всегда солдат.
Про верность и гадать не надо.
А петля –

явно невпопад.

Нет, я вынашивал годами
Свою заветную мечту.
Что ж, подведу тебя, гадалка.
И петле пулю предпочту.

Где мне свободою упиться?
Где в небе взвиться вольной птицей?
Поизносился Старый свет,
Подамся в Новый –

вот ответ.

Ведь юг Америки в пожаре.
А на войне – как на войне.
Пойду в солдаты к Боливару,
Покой домашний не по мне.

2.
Они в одних полках сражались:
И лет грядущих каторжане,
И те, что позже их пошлют
Во глубину сибирских руд.

Война...
 Европа...
 Жажда странствий...
Цивилизации глоток.
Пора свободу дать крестьянству,
Начальной грамоты чуток.

Не получилось к Боливару.
Да и зачем туда спешить?
У нас своих задач навалом,
Вот их и надобно решить.

Там, на квартире Муравьёвых,
Где состоялся первый сбор.
И были созданы основы
Того, что зрело до сих пор.

А Михаила, как ни странно,
На сборе не было тогда.
Очередной дуэли рана
Ему позволить не могла.

И всё же
 тайный «муравейник»
Его участием был оваян,
И, хоть лечилось естество,
Была в порядке мысль его.

Он позже скажет:
– Чем не драмы
В ту пору разыграли мы!
Опора власти не жандармы,
А несогласные умы.

А власть...
 Она всегда страшится
Крамольных слов и дерзких дел.
Царь не преминет отрешиться
От тех, кто нового хотел.

И не терпелось – всё бы сразу
И капитально, навсегда.
Беда иль не беда, когда
Порыв опережает разум?

Его незыблемый кумир –
Неограниченная воля.
Готов, коль чем-то недоволен,
Немедля переделать мир.

Однажды с Пестелем поспорит:
– Всё революция ускорит.
Нам Дело надо начинать,
А не прожекты сочинять.

Она бы заговор венчала
И развенчала царский строй.
А Пестель

 истинной горой:
– Нет, конституция сначала.

С годами Лунин гибче стал.
Хоть спорить всё же доводилось,
Он понял:

 что вчера годилось, –
Сегодня гиль,
Сегодня старь.

И он сказал себе:
– Не прав ты!
На пестелевой «Русской Правде»
Сошёлся клином белый свет,
И ей альтернативы нет.

3.

...И вот, как у барьера, двое.
Тот грозной властью облечён;
А этот вежлив и спокоен:
Ему раскаиваться? В чём?

Ещё вчера – однополчане,
Когда-то вместе начинали.
Но столько лет промчалось вскачь –
Сегодня
 узник и палач.

Всё было просто и непросто.
Житейской мудростью сродни,
Похожи выправкой и ростом.
Умом и доблестью они.

Один с охранкою повязан,
Другой под стражу ею взят.
Ждёт Чернышёва титул князя,
Мишеля – мрачный каземат.

– Известно, что во время оно
Вы мнили –
 страшно говорить! –
Своим «Отрядом обречённым»
Грех душегубства сотворить.

И в оговоренные сроки
Ждать Государя на дороге.
– Разбоем я не промышлял.
– Не промышлял, а замышлял.

О целях Общества спросили.
Он ход простой найти сумел:
– Дать то же самое России,
Что царь для Польши, например.

Мол, мы придумали не сами,
Всё с текста царского списали.
А, как законы говорят,
Царь не бывает виноват.

– Чего хотело ваше братство?
Каков ваш выбор?
– Он таков:
Хотели родины без рабства,
Хотели мысли без оков.

И показалось Чернышёву:
Ещё нажать, ещё чуть-чуть –
Глядь, и признательное слово
Найдёт прямой к бумаге путь.

А Лунин смотрит иронично
И молвит дельно и логично,

Как говорил и до того.
А имена? Ни одного.

Он не калека, не калика.
И осознал иезуит:
Не сбить гусара с панталыку,
Как в битве с недругом, стоит.

Да, всё и просто, и непросто,
И ясно с первого допроса:
Сослал в Сибирь –
и нет людей,
Но нет Сибири для идей.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА

лейб-гвардии Гродненского гусарского полка
подполковника Лунина

Вопрос: Когда, где и кем вы были приняты в число членов Тайного общества?

Ответ: Я никем не был принят в число членов Тайного общества, но сам присоединился к оному, пользуясь общим ко мне доверием членов, тогда в малом числе состоящих.

Вопрос: Когда, где и кем начально основано было сие Общество и под каким названием?

Ответ: Тайное общество, известное впоследствии под названием Союза

благоденствия, основано в Москве в 1816 году. Основателей же оно я не могу назвать, ибо это против моей совести и правил.

Вопрос: Кто были председателем, блюстителем и членами Коренной думы?

Ответ: Я постановил себе неизменным правилом никого не называть по имени.

Вопрос: Кого и когда вы приняли в члены Общества?

Ответ: Во время пребывания моего в Тайном обществе ни одного члена ни в какое время к оному не присоединил...

Вопрос: С кем из членов Общества были в сношениях?..

Ответ: Объяснение моих личных сношений с кем именно – представить не могу, дабы не называть по имени. Друзей в Польше у меня много.

4.

Ах, Польша!

Многоцветной вязью

Она в его вписалась жизнь.

Нежданно здесь с великим князем

Его пути пересеклись.

Гадай –

наместник или пленник,

В Варшаве правил иль гостил
Престола русского наследник,
Брат Александра – Константин.

Что ж, если надобно державе,
Гусар готов служить в Варшаве.
И он уже три года там,
Великокняжий адъютант.

Он католичеством прельстился
И православию не враг.
Всегда молился и постился –
И значит, с верою в ладах.

Служить –
 так с полною отдачей,
Предельно честно, не иначе.
Он добросовестно служил,
И Константин им дорожил.

Великий князь в своей манере
Честил однажды офицеров
Совсем не княжьим языком
И объявил перед полком,

Что, если кто-то недоволен,
Тот вовсе, стало быть, не воин,
А коль снести обид не смог, –
Вот пистолеты и клинок.

Дуэль с самим великим князем?
Кто примет вызов?

Лунин разве.

И он от имени полка
Сказал, бравируя слегка:

– И по отдельности, и вместе
Мы почитаем дело чести.
А что я вышел раньше них,
Так просто я резвей других.

Великий князь за дерзость эту
Гусара не привлёк к ответу.
Наоборот, учтя сие,
Приблизил Лунина к себе.

Судьбы не выдумаешь горше.
Вояка бравый, дуэлянт,
И вольнодум, и заговорщик,
Какой ты к чёрту адъютант.

Всё было вроде как обычно,
Но отходил от тайных дел.
Не потому, что охладел, –
Не позволял себе двуличья.

Что Лунин – враг державной власти,
К бунту декабрьскому причастный,

Что он вершитель тайных дел, –
Наместник верить не хотел.

Оберегал его упорно,
Считая обвиненья вздором.
И очень долго –
 добрый жест? –
Не соглашался на арест.

И даже скрыться за границу
Помочь Мишелю был бы рад.
Но с этой мыслью согласиться
Никак не мог кавалергард.

Да, своенравен и отважен,
Он был последним взят под стражу.
Сибирь, конечно, холодна,
А всё же русская она.

ИЗ ПИСЕМ и ЗАПИСЕЙ
государственного преступника
Лунина Михаила сына Сергеева

* Я не участвовал в мятежах, свойственных толпе, ни в разговорах, приличных рабам. Моё единственное оружие – мысль, то согласная, то в разладе с правительственным ходом.

Оппозиция свойственна всякому политическому устройству... Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание...

* В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга.

* Моё прозвище изменилось во время тюремного заключения и в ссылке и при каждой перемене становилось длиннее. Теперь меня прозывают в официальных бумагах: государственный преступник, находящийся на поселении... В Англии сказали бы: «Лунин – член оппозиции...»

* Гласность, какую пользуют мои письма через многочисленные списки, обращает их в политическое орудие.

* Мои предыдущие тюрьмы были будуарами по сравнению с тем казематом, который я занимаю... Меня стерегут, не спуская с меня глаз. Часовые у дверей, у окон – везде. Моими сотоварищами по заточению является полсотня душегубов, убийц, разбойничьих атаманов и фальшивомонетчиков. Однако мы великолепно сошлись. Эти добрые люди полюбили меня.

5.
Тридцатый год...
Потоком шалым,

Европа, ты опять бурлишь:
Восстала гордая Варшава,
И не безмолвствует Париж.

Побитой Польши боль и стоны
Своеобразно встретил он:
С ней поступили по закону.
Но справедлив ли тот закон?

Отбывши каторжные сроки,
Для поселенья он обрёл
Буквально здесь, неподалёку
И дом, и сад в одном из сёл.

Приличный дом.
Чем не основа
Спокойной жизни и семьи?
Коль не детей – житья обнову,
Что на земле оставим мы?

А у него всё те же ноты:
В отцы семейства не гожусь.
Я не приемлю этих уз,
Мой дух свободен для работы.

Носить ярмо я не готов.
Женитьба – головные боли.

Как средства сдерживанья воли
Мне хватит царских кандалов.

Что нет детей, порой обидно,
И женской лаской не согрет.
А может, к лучшему, что нет.
Зачем же им страдать невинно?

Но вдруг, неожиданно, как во сне,
Как новой повести начало,
В вечерней стылой тишине
Контральто чьё-то зазвучало.

Чей дивный голос говорит?
Кто это чудо подарила?
Она, Волконская Мария,
Что делит с мужем горький быт.

И сердце строгое Мишеля
Вдруг защемило, запекло.
Былые грёзы зазвенели
В нём, как разбитое стекло.

А память тает-не растает.
Сквозь долгих лет густой туман
Себя, как Гамлет, он пытается:
Был или не был тот роман?

Она, земная, не святая,
Что в плен взяла красотой своей,
Была Потоцкая Наталья,
Из рода польских королей.

Он взглядом ей сумел признаться,
Она ему – душою всей.
Ей как-никак уже семнадцать,
Ему же только тридцать семь.

Дитя, наивное создание?
Нет, величава и горда.
Таких красавиц в мироздании
На миллион всего одна.

Ах, это роковое имя!
И Пушкин будет, как и он,
На жизнь и смерть неотвратимо
Идти с Натальей обречён.

Жизнь –
своевольница большая.
Того не ведая, сама,
Судьба за всех за нас решает:
Кому Дантес,
кому тюрьма.

Оттуда, из сибирской дали,
Просил не раз сестру свою
Узнать хоть что-то про Наталью,
Про всю Потоцкую семью.

Сестра не знала, как ответить.
Он ждал и ждал, задание дав.
Что нет её давно на свете,
Он так и умер, не узнав.

С Волконскими сошёлся близко.
Сынишку, шустрого мальчика,
Он с позволения отца
Учил изрядно по-английски.

Полны тепла и доброты,
И Михаил Сергеич Лунин,
И Михаил Сергеич юный,
Как тёзки, дружески на «ты».

С Марией по лесу прогулки,
Визиты изредка семье...
Влюбился? Нет.
Но сердце гулко
Напоминало о себе.

6.
Нет-нет, он всё-таки везучий.
Хотя бы тот забавный случай,

Когда его свирепый шквал
Едва не к Гамлету позвал.

И далеко она иль близко,
Но вспомнил он гадалку ту,
Увидев скромный кораблишко
И имя «Верность» на борту.

Он плыл во Францию.
Штормило.
Застряв на датских островах,
Он за неделю –
очень мило! –
Балтийской рыбою пропах.

Что делал он во время шторма?
Не клял свою судьбу покорно.
«Быть иль не быть?» – не для него.
Быть!
Мыслить! –
Только и всего.

Весь остров быстрыми шагами
Измерил вдоль и поперёк.
И ящик с красками извлёк
Запечатлеть старинный замок.

А здешний пастырь, мудр и стар,
Перечить русскому не стал,

Хоть он пришёл немножко рано
И попросился сесть к органу.

Священнодействует русак!
Орган и буйствует, и молит.
Как будто буря не на море,
А в мыслях,
 сердце
 и руках.

Политик, воин и художник,
И музыкант, и полиглот.
Он что захочет,
 то и сможет,
И что по нраву,
 то возьмёт.

Конечно, верность неотлучно
Напоминает,
 мучит,
 учит.

И в штормовую ночь, и днём,
Как талисман, всегда при нём.

Гусар изменится едва ли,
И не теряйте время зря.
За этот нрав его прозвали
Холодной молнией друзья.

7.

И лет стремительные были,
И многовёрстные пути
Вставали в «Письма из Сибири»
И в очень острые статьи.

В них столько выстраданных истин –
Жизнь каторжанина горька!
Скорей листовки, а не письма
Рождает грозная тайга.

Его сибирские былины
Бунтарский множили накал.
Через сестру Екатерину
Их дух в столицу проникал.

В который раз сказал наемни
Кузен Никита Муравьев:
– Я помогать тебе готов,
Но стоит ли дразнить медведя?

– Да, тот «медведь» меня убьёт.
А мне дразнить его – отрада.
Когда не мы –

кто скажет правду?

Не мы –

кто всколыхнёт народ?

Того, кто возмущался рьяно,
Смутьяном называли встарь.
Вот в образованных смутьянах
Меня и числит государь.

Свободу мысли, воли, действий
Вы почитаете злодейством? –
На плахе я задать хочу
Вопрос царю, не палачу.

А не злодейство –

миллионы

Бесправных, загнанных крестьян?
Кормильцы наши стоном стонут.
Сей тяжкий крест не вами дан?

– Знай: меж тобою и сестрою
«Посредники» пчелиным роём.
– На том и строится расчёт:
Прочтёт цензура – донесёт.

Глядишь, поймёт самодержавье,
Что нас вовеки не спасут
Ни нищета и барский кнут,
Ни беспросветье и бесправье,

Меня возьмут, меня убьют,
Но мне одно всего дороже:

Что так Россия жить не может –
Прочтут,
Подумают,
Поймут.

Тут дело самое простое:
Пусть твёрдо знают на престоле,
Что никакой свирепый гнёт
Народной воли не убьёт.

Сказал кузен:
– Пустяк невзгоды,
Когда страдаешь для народа.
Одно в сознании горчит:
Ну, почему же он молчит?

Конечно, мы хотим народу
И просвещения, и свободы.
Но худо, если самому
Ему всё это ни к чему.

– Нет, дело обстоит иначе.
Я твёрдо знаю наперёд:
Народ молчит –
и это значит,
Что думу думает народ.

– Мы сочиняем, грамотеи, –
Статьи как будто для крестьян.

Читать деревня не умеет.
Вот в чём существенный изъян:

Лихие «Письма из Сибири»
Размножили, распространили.
Ты, «образованный смутьян»,
Их и читаешь за крестьян.

– Мы за народ читаем сами
Свои колючие статьи,
Но – ты, любезный брат, учти! –
Его глазами и мозгами.

– А может, ты, гвардеец бравый, –
Сознайся! – просто ищешь славы?
Гордыни каверзный прибой
Незримо властвует тобой?

– Нет, мы себя найти сумели
Не хуже, чем любой другой.
Мы прозвенели в нашем Деле.
Что колокольцы под дугой.

Считаешь, что судьба такая
И Бенкендорф меня «раскает»?
Нет, я не свыкся, не притих.
И нам ли прятаться от них?

8.

И вот от Бенкендорфа спешно
Летит суровая депеша:
Чтоб не повадно было впредь, –
Год переписку не иметь.

– Нельзя писать? – спросил спокойно.
Читать рескрипта он не стал,
Перевернул тот лист казённый,
«Не буду!» – чётко начертал.

Нет, он не сломлен,
 он не пешка.
За ним жандармам бдеть и бдеть!
Где покаянье, где насмешка –
Поди попробуй разглядеть.

Сказал жандарм:
– Здесь не столица.
Есть подозрительные лица.
Сие опасное звено
К общенью вам запрещено.

– Тот, с кем общаться неуместно,
От прочих чем-то отличим?..
А, знаю: это наш почтмейстер!
Так я и не общаюсь с ним.

Язви, дерзи, неугомонный!
Но под покровом темноты
Тем, бенкендорфовским, «омоном»
Вновь арестован будешь ты.

Царю немедля доложили.
Как шквал морской, взъярился тот:
– Расстрел?

Немыслимая милость!
Нет, в Акатуй!
Пусть там сгниёт!

Рудник свинцовый, дол и горы...
Жандармский бешеный отряд...
Да что там каторжные норы!
Тут настоящий Дантов ад.

Свобода пусть тебе не снится.
Здесь каждый знает наперёд:
У рудника, как у гробницы,
Есть только вход.
Есть только вход.

Под плач сочувственного ветра
И слёзы рудного свинца
Здесь напророченная петля
Настигла всё же храбреца.

И сам не кающийся грешник,
И не раскаянный царём,
Как он погиб в застенках здешних,
Никто не ведаёт о том.

Столетье прочь,
 уйдёт второе.
Молва сибирская твердит
Над светлой памятью героя,
Что он не умер, а убит.

В холодных недрах Акагуя,
Суров, незыблем, как гранит,
Он верность прежнюю, былую
Всё так же каменно хранит.

Он ждёт: Россия всколыхнётся,
Народ от гнева задохнётся
И, как морской девятый вал,
Гнёт опрокинет наповал.

Орлов взрастят иные гнёзда.
Русь – и седа, и молода.
Народ молчит, но разогнётся...
И всё ж когда?
Когда??
Когда???

ЭПИЛОГ

Стреляют дровишки в камине,
Охотно резвится огонь.
На улице холодно ныне,
Без варежки небо не тронь!

Да я и не трогаю вовсе.
Безоблачный полдень пригож.
Ушла безотрадная осень
И дождь, не похожий на дождь.

Зиме не пристало слезиться.
Под снегом листва и трава.
На юге озябшие птицы,
Ушедшие в срок со двора.

Декабрьское небо – сквозное,
Прозрачно до самого дна.
И словно цветущей весной
Покрыла сады белизна.

Уставшие за лето вишни
Тревожны, как мы, и грустны
В камине стреляют дровишки.
Как долго ещё до весны!

АНТОНОВ ОГОНЬ

Слово о десантнике

Самое прекрасное в молодости –
девичий близкий смех на ночной реке.
Самое печальное в старости –
Девичий дальний смех на ночной реке.

Тимур Зульфикаров.

Кажется, какое мне дело,
что где-то
в буре-мире
взяли и выдумали войну.

Владимир Маяковский.

Святую эту мысль не заглушить:
Война – всепоглощающее пламя,
Которое приходится тушить
Мужчинам кровью,
Женщинам слезами.

1.

Какая мука!
Нету мочи!
Взывать к Всевышнему готов,
Когда проснёшься среди ночи
От заблудившихся громов.

Он всё нахрапистей и резче,
Он всё настырней, этот гром.
А что же молнии не блещут
За лазаретовским окном?

А впрочем, выяснится вскоре,
Что грома не было и нет,
Что должен внять твоим укорам
Храп исторгающий сосед.

И ни причём тут, между прочим,
Могучий храп, небесный бас.
Проснёшься, —
Хочешь иль не хочешь, —
В урочный, окаянный час.

Ночная тишь сильнее грома.
В виски как будто молот бьёт,
Грудная клетка просит взлома,
Чтоб сердце выпустить в полёт.

И неохватно, непонятно,
Реальность это или бред.
В футбол, как в детстве, погонять бы,
Да пал в ногу,
Которой нет.

Невозмогу валяться, братцы!
А может, в шахматы?
Уволь!
Тут чехарда! Не разобраться,
Кто нынче пешка, кто король.

А сколько подленькой сноровки
И откровенного вранья
В беспрецедентной рокировке:
«Сегодня ты, а завтра я»!

А хныкать – не мужское дело,
Не те сегодня времена.
Что искалеченное тело,
Когда изранена страна!

И что изломанные кости,
Когда изломана судьба!
Кто виноват –
Узнаем после,
Найдётся праведный судья.

2.

Покой, истекающий кровью...
Не слышен ни выстрел, ни стон.
На этом забытом отроге
Один оставался Антон.

Не вспомнить, когда это было.
Минуло, наверное, век.
Всходило, садилось светило?
«Зелёнка» была или снег?

Ему не привыкнуть к палате.
Чуть что – всколыхнётся душа,
Опорно не чувствуя глади
Ствола и цевья «калаша».

Казалось, не дни, а недели
Щетиной взошли на щеке.
Но даже минуты не дремлет
Рука на гранатной чеке.

И можно бы ложе не трогать
Надёжного друга АК.
Ведь в нём не осталось патрона,
Патрона,
Не то что рожка...

...Латынью судили-рядили,
И всё же порой доктора
Названьями ум бередили,
Надежду сжигая дотла.

В словесном топорщилось слое –
Вставало в немыслимый рост
Чужое, пугающе злое
И в траурной рамке –
Некроз.

3.

Память...
Что ей ночи, дни,
Вдруг притиснет, сдавит грузно –
И опять придут они:
Дед Антон и бабка Груня.

Деда, тёзку своего,
Доведись, узнал бы сразу,

Потому что знал его
Он по бабкину рассказу.

И опять он сам с собой
Рассуждает, мыслит, грезит.
То ведёт свирепый бой
На пустынном этом срезе;

То послышится ему
Смех девчонки у речонки;
То с тропы скользит во тьму,
Вечно падать обречённый.

И не страхом он объят, —
Он не ведал страха сроду, —
Задышается солдат
От нехватки кислорода.

Может, и от высоты,
Высота влияет тоже.
Только здесь страдаешь ты
От серьёзной раны всё же.

Боль, кажись, давным-давно
Режет, жжёт, корёжит, давит.
И ему постичь дано,
Что за власть имеет дьявол.

Для чего и почему, –
Объяснить бы людям просто, –
Эту чёртову Чечню
Русским сделали погостом.

Я не знаю, как тут быть,
Не политик я, ребята,
Только всех не «замочить» –
И ежу оно понятно.

Сколько нас побито тут!
Да и горцев многовато.
Это ж всё российский люд!
Что-то здесь не так, ребята.

4..

Бывало, бабушке не спится.
Когда прижмёт былого гнёт,
Падёт на лавку у божницы –
И повздыхает,
и всплакнёт.

Всё как вчера:
Девичьи годы,
И эта тихая изба,
И партизанские походы,
И он, Антон, её судьба.

Подругу, раненую в ногу,
Теряя память, нёс и нёс,
Как будто спрашивал дорогу
У замороженных берёз.

Он нёс её, родную Груню,
За гранью разума и сил.
А сам?
Натуру огневую
«Огонь антонов» погасил.

Так со снегами и дождями
И жизнь ушла –
Не воротить.
Он даже сына не дождался,
А что о внуке говорить!

Бабуля, как диктатор истый,
Тогда явила норов свой:
– Весь в деда,
Крепкий, голосистый,
Неугомонный, огневой.

Как бабка деда разглядела
В комочке том – её секрет,
Но повторяла то и дело:
– Антошин вылитый портрет.

Отец и мать не стали спорить.
Не хуже всех других имён.
Решили дружно: имя впору –
И дед Антон, и внук Антон.

А там, у заводи, на речке,
Где ждал её всегда Антон,
Опять напев по теме вечной.
Поёт похоже, но не он.

В её глазах не то пороша,
Не то печной едучий дым.
– А дедом не был мой Антоша.
Он так и помер молодым.

5.

Вновь боль, как кувалдой, огрела –
Попробуй её урезонь!
Коварная штука гангрена,
По-русски –
«Антонов огонь».

Объята
От края до края
Отчаянной болью страна.
Как доктора, нас призывает
К решительным мерам она.

Оглохли? Не слышим мы что ли
Висящий над Родиной стон?
Не собственной,
Нашею болью
Кричит, умирая, Антон.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя судьба – Россия

Дожди	4
«А я б руины цитадели»	6
Имена	7
Доколе?..	9
Кредо	11
Вечер поэзии	12
Серп и молот	14
«Сегодня в России лишние»	15
Канун	16
Уходя	19
Рубикон	20
«Пусть с тобой ни ножа, ни ружья»	21
Старик	22
Баллада о Пятигорском камне	23
«Чем выше храм...»	26
К звёздам	27
Твоя цена	32
«Нас грабят, нас губят...»	33
Дедов укор	34
Твои калёные стихи	36
Вождята	37
Чеченский шрам	38
Его напоминание	40
«Рассыпался горошками драже»	42

Саммит	43
Жалоба олигарха	44
У боя сбои	46
Чужаки	47
«Калиновый» звон	49
Что оставляет человек	51
Поёт Елена Беляева	53
Осенний мотив	54
Наказ	55
Рок	56
Примадонне	57
Похожие	58
Кто на трон?	59
Закон, обман и стыд	60
Даль веков	61
Героя делает бой	62
«Ты, может, стар, а может, молод»	64
Фамильная реликвия	65
Мёртвый лев	67
Усмешки древних	68
Перегуды, перезвоны	
Опоздавшая тема	72
«Над тобой, моя Россия»	74
Двенадцатый год	75
Пажити	77
Русская идея	80
Добро и зло	81

Девичьи страдания	83
Хромые	84
Васенька	86
Сваты едут	88
Могучая стойкость души	89
Поэт и маршал	91
Частушки-простушки	92
Вирус здоровья	94
Песня	95
Будь добр и бодр	96
Ох, наша жизнь!	97
«Добро из колодца не черпают вёдрами»	99
Плачи	100
«Вот говорят, что на миру»	102
Кабы мне бы	103
Диалог	105
Что открываем?	106
Цицерон, прими в догон	107
Мудрец сказал	108
Эпитафии	112
Поэмы	
Холодная молния	113
Антонов огонь	145

Литературно-художественное издание.

Лунин Анатолий Алексеевич
ПРЕДГРОЗЬЕ
Стихи, поэмы

Печатается в авторской редакции

Печать цифровая

Тираж 300 экз.

Отпечатано на оборудовании проекта «Балтославия».

Некоммерческая поддержка ЕС,

постпроектная деятельность.

Автор, координатор проекта В.Черноухов